

УДК 316.42

А.Малюк,
кандидат социологических наук

ПРОТИВОРЕЧИЯ И СУЩНОСТЬ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена анализу причин, характера, сущности и траектории развития процесса неолиберальной глобализации. Последняя рассматривается как классовый проект восстановления власти транснациональной капиталистической олигархии в условиях структурного кризиса капитализма.

Keywords: globalization, neoliberalism, globalism, capitalism, social transformation.

Ключові слова: глобалізація, неолібералізм, глобалізм, капіталізм, соціальна трансформація.

Ключевые слова: глобализация, неолиберализм, глобализм, капитализм, социальная трансформация.

Положение дел в современном мире определяется двумя взаимосвязанными процессами. С одной стороны, произошло разрушение мировой социалистической системы и включение бывшего социалистического мира в капиталистическую мир-систему. Как следствие в этой части земного шара установился капитализм периферийного типа. Этот тип капитализма многие называют “диким капитализмом”, тщетно надеясь, что когда-нибудь детские болезни капиталистического роста будут преодолены и на смену дикому придет настоящий, “цивилизованный” капитализм.

К тому же на рубеже 1970-х годов произошло наложение двух кризисов: структурного кризиса капитализма и кризиса гегемонии США. И то и другое было связано с исчерпанием возможностей предшествующей модели капиталистического развития (фордистско-кейнсианского режима

накопления капитала), не обеспечивающей в новых условиях возможности расширенного экономического воспроизводства капиталистической экономики. Столкнувшись с ситуацией кризиса, правящие классы капиталистического общества, прежде всего Соединенных Штатов, попытались найти выход из нее с помощью реализации проекта неолиберальной глобализации. Гибель социализма создавала необходимые предпосылки и открывала широкие возможности для этого.

Вообще неолиберализм, используя выражение известного финансового спекулянта Дж. Сороса, можно в первом приближении охарактеризовать как «рыночный фундаментализм». В определенном смысле – это возрождение доктрины экономического либерализма, проповедующей необходимость освобождения рынка из-под контроля государства для достижения наибольшей экономической эффективности. В теории неолиберализм придерживается следующих принципов:

1) государство должно сократить до минимума вмешательство в экономическую и общественную жизнь;

2) рынки, особенно финансовый и рабочей силы, должны быть дерегулированы, для того чтобы высвободить творческую энергию частной инициативы;

3) наилучший стимул торговли и инвестиций – это устранение границ и барьеров, препятствующих полной мобильности труда, капитала, товаров и услуг.

Как утверждают адепты неолиберализма, осуществление этих принципов привело к возникновению нового явления, т.е. экономической глобализации, которая будто бы порождает невиданный экономический рост и связанный с ним социальный прогресс. Нам говорят, что впервые в истории государство утрачивает власть и заменяется властью мирового рынка, основным элементом которого выступают ТНК как основные единицы экономической деятельности в современном мире. Естественным дополнением возникающей глобальной рыночной экономики должна стать система глобального правления, которой государства должны уступить, по крайней мере, часть своего суве-

ренитета. В этом дискурсе неолиберальная глобализация представляется как безусловное благо.

Проблема неолиберализма как идейно-политической доктрины заключается в том, что ее обещания резко расходятся с результатами ее практического воплощения в жизнь. Иными словами, мы имеем дело с противоречием между декларацией принципов и реальной практикой неолиберализма. Прежде всего это относится к противоречию между обещанием экономического роста в результате осуществления неолиберального курса и реальным отсутствием и даже замедлением такового во всех странах, где проводился неолиберальный эксперимент.

Относительно противоречия между неолиберальной догматикой и реальной практикой неолиберализма необходимо отметить следующее. Идея свободного рынка, не ограниченного вмешательством регулирующей руки государства, занимает центральное место в риторике адептов неолиберализма. Однако неолиберальные силы везде, где они приходили к власти, не только не ослабляли, но даже усиливали государственное вмешательство в экономические процессы, меняя, однако, его характер и направленность. В некоторых отношениях, особенно в сфере финансовой политики, власть государственных институтов возрастала.

В затронутых неолиберальной волной странах именно государства были инструментом и агентами навязывания обществу неолиберального порядка. Именно сильное государство, способное подавить рабочее движение и подорвать влияние профсоюзов, а также контролировать объем денежной массы (монетаристская политика) является ключевым элементом реализации неолиберальных программ. Классическим примером могут служить США и другие страны ОЭСР. Неолиберальный курс, проводимый администрациями президентов от Рейгана до Буша-младшего, отнюдь не привел ни к снижению регулирования экономики, ни к сокращению государственных расходов. Наоборот, они возросли за последние 30 лет и финансировались за счет роста дефицита федерального бюджета.

Изменения претерпел только их характер: сокращались социальные расходы и возрастал военный бюджет. Таким образом, в то время как в идеологии и риторике неолиберализм призывает к воплощению в жизнь утопии свободных рынков, на практике он приводит к резкому усилению насильственных дисциплинарных форм государственного вмешательства с целью насаждения оптимальных условий для деятельности, ориентированной на извлечение прибыли. Поэтому его можно охарактеризовать как «управляемую маркетизацию».

То же можно сказать и о налоговой политике. Неолибералы выступают за снижение налогового пресса. Реальная же практика такова, что антиналоговые меры, сокращая налоги на прибыли корпораций, доходы и богатство 20% населения с наивысшими доходами, одновременно увеличивали налоговое бремя, возлагаемое на остальное население. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в сфере мировой торговли. В теории неолибералы выступают за свободу торговли и экономику, открытую свободному движению капитала товаров и услуг. На практике государства ядра мир-системы проводят жесткую протекционистскую политику. Это стало причиной конфликта в рамках ВТО, возникшего между Группой 22-х – группой развивающихся стран, возглавляемых Бразилией и Китаем, – и индустриально-развитыми странами, в результате чего деятельность этой организации в настоящее время в значительной мере оказалась затрудненной.

В мировом масштабе, как отмечают французские исследователи Ж.Дюмени и Д.Леви, квазигосударственную роль в навязывании неолиберализма всей планете играли институты, подобные Международному валютному фонду (МВФ). По их мнению, повсюду в мире неолиберальная дисциплина навязывалась рабочим и менеджменту (в который они включают и инженерно-технических работников) на благо и к выгоде владельцев акций, и точно также рост процентных ставок осуществлялся в интересах кредиторов, т.е. финансовой элиты [1].

Таким образом, неолибералы изменили цели и характер государственного вмешательства в интересах правящих классов, но отнюдь не пытались реализовать концепции государства – ночного сторожа.

Поэтому для того, чтобы подчеркнуть несхожесть идеологии и практики неолиберализма целесообразно установить различия между догматическим и реальным неолиберализмом. Догматический неолиберализм обещает экономический рост и процветание для каждого, по мере того как прилив глобализации поднимет все лодки и произойдет просачивание благ сверху вниз. Реальный неолиберализм означает откачивание благ снизу вверх. СМИ постоянно говорят о рыночных реформах как о средстве достижения экономического успеха, в реальности неолиберализм не обеспечивает экономического роста. Во всяком случае неолиберальный этап развития мировой капиталистической экономики характеризуется более медленными темпами роста, чем предшествующий период “славного тридцатилетия” и даже период 1970-х гг.

Неолиберальные меры нацелены на стабилизацию экономического и социального положения, но вместо этого порождают хроническую нестабильность, примером чему может служить социально-экономическое положение в Латинской Америке, Восточной Азии и Восточной Европе. Неолиберализм прославляет достоинства конкуренции, но в реальности в результате его практического осуществления происходит усиление монополистической власти ТНК. И при этом правящие круги по-прежнему считают, что неолиберализму нет альтернативы. Очевидно, такая приверженность нуждается в объяснении. Поразительная верность правящих элит неолиберальному курсу, при том, что ни одна из его декларируемых целей не была достигнута, позволяет предположить, что подлинные цели неолиберального проекта не имеют ничего общего с заявленными. Каков же тогда действительный смысл реального неолиберализма?

Чтобы ответить на этот вопрос необходимо проследить развитие мировой капиталистической системы в после-

военный период. С этой точки зрения неолиберализм представляет собой решительный разрыв с предыдущей конфигурацией капитализма, доминировавшей в капиталистической мир-системе в период “золотого века капитализма” 1945–1973 гг. В странах ядра она воплотилась в так называемом кейнсианском компромиссе, а на полупериферии и периферии КМЭ – в политику национального развития или догоняющей модернизации. В этот период правящие классы ведущих империалистических держав были вынуждены под давлением массового рабочего движения и идеологического вызова со стороны Советского Союза прибегнуть к реформистской стратегии, следствием которой было возникновение государства всеобщего благосостояния, характеризовавшегося введением социального законодательства, созданием системы социальной защиты, обеспечением занятости, признанием прав профсоюзов, определенной направленностью государственного регулирования экономики (кейнсианское управление спросом и т.д.), ограничивающего свободу действий финансовых элит (концентрацию в их руках власти и богатства по сравнению со временем, предшествовавшим Великой депрессии 1929–1933 гг.) и устанавливающего контроль над движением капитала. Этот компромисс между капиталом и трудом лежал в основе создания в развитых капиталистических странах “общества массового потребления” и “среднего класса”.

На разрушение социальной конфигурации, воплощенной в кейнсианском компромиссе, и была направлена неолиберальная глобализация. Ключевым элементом неолиберального поворота стал структурный кризис, с которым капиталистическая мир-экономика столкнулась на рубеже 1970-х гг. Этап кризиса характеризовался резким замедлением темпов экономического роста, увеличением безработицы, падением уровня жизни основной массы населения, упадком прибыльности предприятий сферы материального производства и бегством капиталов из производственного сектора экономики в сферу спекулятивной финансовой активности, резким усилением фи-

нансового капитала и, что весьма важно, понижением нормы прибыли.

По данным американского экономиста Фреда Моусли, норма прибыли в США упала с 22% в конце 1940-х годов до 12% в середине 1970-х годов, т.е. почти на 50% [2–4]. Сходные данные приводят также Ж.Дюмени и Д.Леви, отмечая падение нормы прибыли на протяжении 1960–1980-х годов с 22 до 14% [5; 6]. Кейнсианские меры антициклического регулирования оказались неспособными выправить ситуацию, что открыло дорогу к возврату к монетаристской ортодоксии в новой форме и контексте.

Капиталистические элиты ответили на снижение глобальной нормы прибыли сломом социальных ограничений свободы действий капитала, дерегулированием финансовых рынков и развитием финансовых спекуляций, реорганизацией капиталистического производства и более интенсивным развитием глобальной системы производства с использованием информационных технологий, демонтажом “государства всеобщего благосостояния” и настоящей классовой войной, наступлением на жизненный уровень трудящихся, как в государствах ядра, так и в периферии, усилением агрессивного давления империалистических государств на периферию мир-системы. В общем, системой политических и экономических мер, направленных на обеспечение максимального извлечения прибыли в условиях кризиса накопления капитала, т.е. тем, что сегодня называется неолиберализмом.

Хотя неолиберальная контрреволюция непосредственным образом связана с приходом к власти в государствах ядра правоконсервативных сил, представленных в то время кабинетом М.Тэтчер в Великобритании, администрацией Р.Рейгана в США, правительством Г.Коля в ФРГ, с экономической точки зрения наиболее значительным событием после слома Бреттон-Вудской системы, отказа от золотовалютного стандарта и перехода к системе плавающих курсов и постепенного дерегулирования международной финансовой системы стало инициированное главой Федеральной резервной системы США П.Волкером радикаль-

ное изменение финансовой политики, получившее название “переворот 1979 г.” [7]. Суть новой финансовой политики заключалась в резком увеличении процентных ставок, предпринятом для ограничения предложения доллара в качестве меры борьбы с инфляцией, а также для привлечения капитала в США. Как отмечает Дж.Арриги, переход к строгой рестриктивной финансовой политике с целью поддержки “твердых денег”, предпринятый П.Волкером в последние годы правления администрации президента Дж.Картера, положило начало отказу при Р.Рейгане от идеологии и практики “нового курса” (т.е. отказу от социального реформизма и политики социального компромисса), которому США следовали с 1930-х годов. В то время как “новый курс” и его глобализация при Ф.Рузвельте и Г.Трумэне основывались на передаче контроля над сложными финансами из рук частных финансовых корпораций в руки государства, отказ Рейгана от “нового курса” вновь ставил частные сложные финансы на командные высоты глобальной экономики [8; 9].

Это возрождение, как уже сказано, началось в 1970-е годы под влиянием кризиса перенакопления и было связано с крахом Бреттон-Вудской финансовой системы, но в полной мере оно проявилось только в 1980-е годы под влиянием поворота в финансовой политике США, инициированного П.Волкером и доведенного до логического конца администрацией Рейгана. Последовавшее за дефляционными маневрами П.Волкера дерегулирование финансовых и других рынков создало в США самые благоприятные условия для финансовых спекуляций.

Результатом этой политики, проводившейся в интересах крупного финансового капитала, искавшего новые методы для увеличения прибыли, было вступление мир-экономики в фазу финансовой экспансии, когда главным источником максимальных прибылей становится не производственный, а финансовый сектор экономики [9]. Установление режима высоких процентных ставок и расцвет финансовых спекуляций, последовавший за изменением финансовой политики в стране, являющейся центром

мировой финансовой системы, усугубило последствия экономического кризиса и вызвало новое ухудшение положения производственного сектора в ядре и кризис задолженности на периферии мир-системы. Промышленный капитал отреагировал на это более интенсивной и радикальной реорганизацией производства. Именно в этом состоит причина возникновения так называемой глобализации производства и ряда коренных изменений в производстве, связанных с развитием информационных технологий.

Столкнувшись с понижением нормы прибыли, капитал отреагировал стремлением к повышению производительности и интенсивности труда и введением технологий, снижающих издержки производства, в сочетании с методами “оптимизации персонала” (*downsizing*). Последние на практике сводились к увольнению 10–20% работников предприятий и перекладыванию их работы на оставшихся работников, повышая при этом интенсивность их труда. Кроме того, отрасли промышленности, испытавшие значительное снижение прибылей, прибегли к разделению объединенных в рамках крупных предприятий фордистского типа производственных процессов и перенесением части их из зоны ядра в полупериферийные развивающиеся страны, для того чтобы использовать преимущества более дешевой рабочей силы [4; 8; 10]. Теперь компоненты различных видов товаров – от компьютеров до автомобилей производятся и собираются в различных странах. Производственные процессы, осуществлявшиеся на одном предприятии, рассеяны по всему миру.

В конечном итоге значение происшедшей трансформации заключалась в том, что одна из фракций правящего класса – финансовая элита восстановила контроль над системой, навязывая ей свои правила и нормы. В результате правящие классы предприняли попытку отбросить социальный компромисс и отказаться от обязательств, налагаемых на них государством всеобщего благосостояния. Окончательное превращение неолиберализма в доминирующую модель глобального развития, зафиксированную в так называемом Вашингтонском консенсусе, связано с разрушением мировой системы социализма.

С этого момента неолиберальная глобализация полностью обнажила свою суть, представ как реванш привилегированного меньшинства капиталистической мир-системы, мятеж транснациональной финансовой элиты против ограничений, наложенных на нее социальными структурами кейнсианского “государства всеобщего благосостояния”. Он представляет собой попытку разорвать сложившийся в странах ядра социально-политический компромисс, за который правящим и господствующим группам пришлось заплатить частичной демократизацией системы, проведением реформистского курса и подачкой в виде так называемого социального государства. Именно в сломе всех ограничений и еще большей концентрации власти и богатства в руках финансовой элиты заключается действительный смысл неолиберализма как откровенно классового проекта.

Выражаясь предельно просто, реальный неолиберализм – это проект восстановления классовой власти наиболее богатых и привилегированных слоев правящих классов капиталистического общества. Неолиберальная глобализация означает для транснациональной капиталистической олигархии возможность освободиться от какой-либо социальной ответственности, отбросить все социальные обязательства и превратить все мировое социально-экономическое пространство в объект неограниченной безжалостной эксплуатации. Важнейшей составляющей неолиберальной глобализации является подрыв и устранение сил (государств и социальных движений), оспаривающих и способных противостоять реализации проекта неолиберального глобализма.

Освобождающийся от ограничений структур социально-классового компромисса капитал получил возможность направить всю энергию на выкачивание ресурсов из эксплуатации живого труда по всему миру в процессе реального производства, направлять их в краткосрочные финансовые спекулятивные сделки и усиливать контроль над всей экономикой посредством использования финансовых механизмов.

Ухудшение условий капиталистического накопления объясняет, почему капитал все сильнее пытается преодолеть понижение нормы прибыли посредством финансовых операций, все в большей степени оторванных от самого процесса производства. С этого момента финансовый капитал, ускользая от контроля со стороны социального государства, освобождался также и от связи с реальной производительной экономикой. Вместо осуществления инвестиций в реальное производство капитал перемещается в мировом экономическом пространстве в поисках наиболее выгодных спекулятивных возможностей.

Цифры, характеризующие колоссальное превышение стоимости торговли иностранной валютой над стоимостью мировой торговли товарами и услугами, гигантское накопление финансовых ресурсов в руках финансовых институтов типа пенсионных и взаимных фондов, взрывной рост фондовых рынков характеризуют масштабы и роль стратегии увеличения капитала посредством чисто кредитно-денежных манипуляций и сделок.

Однако в конечном итоге неолиберализм не достигает и этих действительных целей перераспределения общественного богатства в пользу транснационального монополистического капитала и восстановления прибыльности бизнеса. Неолиберальный откат в социально-экономической политике в течение двух последних десятилетий, конечно, привел к росту прибылей. Однако, несмотря на все усилия в середине 1990-х годов, норма прибыли увеличилась с 12 до 16%, т.е. восстановила только 40% снижения. Несмотря на промышленный подъем и общее снижение реальной заработной платы в США, норма прибыли все еще на 25–30% ниже своего послевоенного пика [2–4].

Комментируя эти изменения в динамике нормы прибыли, И.Валлерстайн отметил, что сторонники неолиберализма добились определенных успехов, но они преуспели лишь в том, что немного снизили издержки, оказывающие давление на накопление капитала, а не вернули их на уровень двадцати–тридцатилетней давности. Однако грядет новая волна роста издержек [11]. Именно неспособ-

ность обеспечить накопление капитала посредством расширенного воспроизводства на устойчивом базисе – одна из причин того, что неолиберализм и дальше будет основываться на той модели накопления, которую Д. Харви назвал изымающим или обездоливающим накоплением (*accumulation by dispossession*) [12]. И при этом, не решив задачи восстановления условий накопления капитала, неолиберализм вверг мир в серьезный финансовый экономический кризис – первую Великую депрессию XXI в.

Таким образом, реальный неолиберализм, по всей видимости, правильно определить как политическую стратегию, нацеленную на расширение возможностей капиталистического класса осуществлять безграничное накопление капитала, опираясь на использование силы государственного аппарата, находящегося под контролем представителей финансовой элиты. Неолиберальная глобализация представляет собой попытку создания такого планетарного социального и политико-экономического режима, в котором будет восстановлена власть фракции наиболее богатых собственников капитала – финансовой элиты и обеспечена в ее интересах неограниченная свобода движения мобильного капитала в поисках максимальной прибыли и устранены все структурные ограничения и препятствия его деятельности.

Неолиберализм означает подчинение всех сторон жизни общества дисциплине рынка или, точнее говоря, дисциплине логики максимизации прибыли.

Растущая коммодификация и распространение приоритетности мотива получения прибыли на все новые сферы общественной жизни – это цель и важнейший результат осуществления неолиберального курса, что позволяет рассматривать неолиберализм как наиболее агрессивную форму капитализма. При этом государство, сохраняя регуляторные и репрессивные функции, устраняется от заботы о развитии системы социальной защиты, а населению предоставляется возможность самостоятельно обеспечить условия собственного социально-экономического воспроизводства. Неолиберализм по своей сути – это реализация

социал-дарвинистской программы для восстановления общих мироэкономических условий накопления капитала и классовой власти высших фракций капитала. По мере разоблачения неолиберализма как провалившегося утопического проекта, все более прочным будет становиться фундамент подъема антикапиталистических массовых движений, выдвигающих эгалитарные политические требования.

Литература

1. Dumenil G. The Economics of U.S. Imperialism at the Turn of the 21th Century / G.Dumenil, D.Levy // Review of International Political Economy. – 2004. – Vol. 11. – № 4. – P. 657–676.
2. Mosley F. The Rate of Profit and the Future of Capitalism / F.Mosley // Review of Radical Political Economics. – 1998. – Vol. 29. – № 4. – P. 23–41.
3. Mosley F. The United States Economy at the Turn of the Century: Entering a New Era of Prosperity / F.Mosley // Capital and Class. – 1999. – №67. – P. 25–45.
4. Mosley F. Marxian Crisis Theory and the Postwar U.S. Economy. [Электронный ресурс] / F.Mosley – Режим доступа : http://www.mtholyoke.edu/~fmoseley/working_papers/pwcrisis.pdf
5. Dumenil G., Levy D. The Neoliberal (Counter-)Revolution / G.Dumenil, D.Levy // Saad-Filho A., Johnson D.(editors). Neoliberalism. A Critical Reader. – London : Pluto Press, 2005. – P. 9–19.
6. Dumenil G. Neo-liberal Dynamics: Toward a New Phase. [Электронный ресурс] / G.Dumenil, D.Levy. – Режим доступа : www.jourdan.ens.fr/levy/dle2004c.htm.
7. Dumenil G. Neoliberalism: The Crime and the Beneficiary / G.Dumenil, D.Levy // Review. – 2002. – Vol. 25. – № 4. – P. 393–400.
8. Arrighi G. The Long Twentieth Century / G.Arrighi. – London : Verso, 1994. – 400 p.
9. Arrighi G. Global Market / G. Arrighi // Journal of World-Systems Research. – 1999. – Vol.5. – №2. – P. 217– 251.
10. Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the Trajectory of the World-System / I.Wallerstein // International Sociology. – 2000. – Vol.15. – №2. – P. 249–265.
11. Валлерстайн И. Система переживает коллапс / И.Валлерстайн // Эксперт. – 2001. – № 28. – 23 июля. – С.16–19.
12. Harvey D. A Brief History of Neoliberalism / D.Harvey. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 247 p.